

А А ГАНИН (1893—1925)

Трагическая смерть оборвала жизнь Алексея Алексеевича Ганина в марте 1925 года, когда ему не было еще тридцати двух лет.

Родился он в многодетной крестьянской семье в вологодском селе Коншине. Начальное образование получил в земском училище, а затем поступил в Вологодское фельдшерское училище, по окончании которого, в 1914 году, был призван в армию и около двух лет работал в госпиталях в Петрограде и Царском Селе. В это время он познакомился и подружился с С. Есениным, Н. Клюевым, С. Клычковым и другими поэтами.

В 1918 году А. А. Ганин вступает добровольцем в Красную Армию и направляется на Северный фронт. Он служит фельдшером в красноборском госпитале и в военно-санитарном управлении Котласского района.

После освобождения Севера от интервентов А. Ганин возвращается в Вологду и с 1920 года занимается литературным трудом.

С 1917 года стихотворения А. Ганина, отличающиеся своеобразием, богатством красок, образностью, печатаются в вологодских и петроградских газетах, журналах, сборниках, выходят отдельными литографированными выпусками.

Имажинизм, которому А. Ганин отдал известную дань, не оказал решающего влияния на его поэтическое творчество. (В 1920 году в Москве вышел сборник стихов трех авторов — А. Ганина, С. Есенина и А. Мариенгофа «Конница бурь»).

В сборник его стихов «Мешок алмазов», выпущенный в Вологде в 1921 году тиражом всего 300 экземпляров, и в книгу «Былинные ночи», изданную в Москве в 1924 году (1000 экземпляров), вошло большинство стихотворений, написанных в разные годы.

К сожалению, творчество Алексея Ганина долгое время было известно немногим. В наши дни его стихи, снабженные комментариями, опубликовал преподаватель Ленинградской Высшей партийной школы Н. Н. Парфенов¹, что позволило более широкому кругу нынешних читателей познакомиться с жизнью и творчеством поэта.

Далекий век, от колыбели
Мы бились в липких тенетах
И для тебя в глухих веках
Творили радость, как умели...

Мы звонами мечей и песен
Будили древний сон земли...
Гремя цепями, к пыткам шли,
С дорог смывая кровью плесень.

¹ Газ. «Красный Север», 1968, № 181, 3 авг.; журн. «Север», 1973, № 9.

Мужичий гам, румяный бабий говор
Польются вслед с нехоженой тропы...
А впереди — и синь, и косогоры,
Ромашки и росистый смех травы...

И весел труд. Коса острó и звонко
По шелку трав хрустит до полудня,
И не понять, где песня жаворонка:
Там, в синеве, иль в сердце у меня?

А с полудня, когда мой ясный друг
Огруживает высоко в стога туман кудрявый,
Я ставлю в копны скошенные травы,
Я тороплюсь убрать широкий луг.

И целый день, пока не кликнет вечер,
Кумачный вихрь гуляет по лугам...
И светел труд. И не устанут плечи
Купаться целый день в зеленых облаках.

А ввечеру, когда на бабьи ноги
Душистей клевера прильнет загар,
Устанет солнышко. И в золотые стоги,
Красивое, уходит на закат...

Уйду и я. И тихий сон по селам
Сомкнет глаза, кто радостью ослаб.
И до утра мне снится луг веселый,
И все звенит: «Роса-коса-роса...»

1918

Зубастый серп прошел по ниве зрелой.
Растаял звон колосьев золотых,
И дольше с каждым днем туман, как саван белый,
Лежит в вересняке на пастбищах пустых.

Захожий отдых странствует по селам.
Коса и серп не помнят о страде,
Порой пропляшет в гумнах цеп веселый,
И поздний грач вспугнется на гряде.

И вновь покой. В стогах на мягком сене
Пастуший рог тоскует о весне,
И от полей заплаканные тени
Плывут к избе и бродят по стене.

Уж в поле холодно. На рваной туче
Присядет солнце, бросит сноп лучей —
Встряхнется ветер в ивняке плакучем,
И тонким льдом заискрится ручей.

У красных зорь под причет журавлиный
Давно уснул крикливый летний день,
И шепчет ива старому овину,
Как первый лист свалился на плетень.

И грустно мне, но грусть, как синь, прозрачна,
Что вытекла с небес под рощей золотой.
И ткется жизнь, как сон, в певучие зачатья,
А в сердце листопад и ласковый покой.